

у печки — поправляет дымный дрова. Барышни сбъжали сверху.

— Во, видите, куда загнали! Ничего, живем! Раздвайтесь, завтракать будем. А, въ Москву везете? И отлично. Подзакусимъ, и поѣдете.

Лена съ Мусей снова хохотали. Мать поправила сѣдую пряжу и закурила.

— Видите, не унимаются. Имъ хоть бы что. Колю вернули, мы опять всѣ вмѣстѣ, вотъ вамъ и хохочутъ.

— Знаете — Муся блестяла выпуклыми глазами: Красавинъ тутъ къ Ленѣ прицѣливался, нѣтъ, вообразите вотъ нахаль, но все-таки въ немъ что-то есть, вы не находите?

Я улыбнулась. Женщины! Отъ вѣка было такъ, до вѣка будетъ. Конечно, типъ съ татуировкой долженъ дѣйствовать. Кровь на немъ — но это все не важно, даже не занятѣй ли?

Мы не дозавтракали еще, я кисель глотала, вдругъ Муся выскочила, кинулась къ окну. Потомъ въ переднюю, заперла дверь.

— Лена, веди Маркела Димитрича къ себѣ. Красавинъ возвратился.

По блеску дерзкихъ глазъ, по измѣнившемуся голосу мы сразу поняли все.

— Тарелку, вилку, уберите.

Лена выхватила моего Маркела, утащила въ корридоръ. Я убрала приборъ. Мгновенно стало у насъ тихо и серьезно, такъ серьезно...

— Вы сказали, что вашъ мужъ въ Москвѣ? шептала Муся. — Офицеръ! Какъ скверно.

Рукоятку двери тронули.

— Мама, отпирай не сразу.

Сама Муся тоже выбѣжала.

Марья Гавриловна отворяла медленно. Я ѣла свой кисель со странною внимательностью. Все для меня сошло теперь на кисель несчастномъ.

Красавинъ вошелъ хмуро. Шея у него бѣлѣла неприятно.

— Портфелькъ позабылъ. Пришлось вернуться.

Я въ окно смотрѣла. У елокъ, гдѣ привязанъ Пѣтушокъ, двое красноармейцевъ отпускали лошадямъ подпруги. Значитъ, не сбъжишь.

— А, вы... Я васъ помню. Что-жъ вашъ мужъ еще въ Москвѣ?

— Въ Москвѣ.

— Обманываете, скрываете... вздохнулъ, обвелъ вокругъ глазами. — Понятно, своихъ жалко.

Онъ сѣлъ и замолчалъ. Зацѣпенѣлъ, глаза сонные стали. Знакомое и неприятное прошло. Красавинъ всталъ, вышелъ, медленно сталъ подниматься въ мезонинъ.

— Куда вы?

Онъ мнѣ улыбнулся медленно и дерзко.

— Портфельчикъ свой ишу.

Я тоже за нимъ двинулась. Дверь въ комнату притворена. Толкнулъ. Пріотворилась, но опять захлопнулась.

— Нельзя, переодѣваюсь.

Голосъ Муси звонокъ, рѣзокъ...

— Ну подожду... мнѣ надо.

— Ждать нечего, крикнула Муся: войти нельзя, я нездорова и ложусь.

— Нужно!

Онъ было двинулся, но предо мной остановился.

— Тамъ не одна барышня, пробормоталъ. — Я знаю, не одна. Я чувствую.

— Муся нездорова. Вы слышали? Вы туда войти не можете.

Онъ молчалъ, и я молчала, на него глядѣла. Какъ все ясно, все межъ нами безслвно шло! Враги... Сейчасъ рѣшается. Но и во мнѣ зажглось, другого швѣта, отъ меня, я знала, тоже шель потокъ, невидимый, но шель.

— Эх-хъ, бабы!

Красавинъ повернулся, быстро внизъ спустился.

Я стояла, ноги мои занѣмѣли, и за дверью было тихо, точно умерли всѣ трое. А въ окно я видѣла, какъ вышелъ съ задняго крыльца Красавинъ, Танька подала ему портфелькъ, подошелъ онъ къ елочкамъ. Красноармейцы завозились у коней. Вско- чилъ, мотнулся тяжко въ нашу сторону, револьверъ выхватилъ, дважды на воздухъ выстрѣлилъ. Ударилъ лошадь, грузно поскакалъ.

Я отворила дверь. Дѣвицы нѣсколько блѣдны. Маркель мрачно сидѣлъ у стола.

— Фу, чортъ... какая мерзость... ну, тово... еще минута, я-бы вышелъ самъ.

Лена захохотала.

— Какъ глупо! Выдали бы и себя и насъ.

Муся бросилась ко мнѣ и обняла.

— Наталья Николаевна, молодчина! Прямо вырвала зубами.

— Съ волками жить, по волчьи выть.

И больше я не мѣшкала. Черезъ полчаса мы ѣхали уже съ Маркеломъ по пустымъ полямъ. Мы были молчаливы. Въ каждой деревушкѣ вглядывалась я, не видно-ли гдѣ всадниковъ. Казалось, всѣ насъ знаютъ, всѣ слѣдятъ, что вотъ везу я мужа офицера. Но нами мало кто былъ занятъ. У всѣхъ довольно и своихъ заботъ.

На станціи Маркель вскочилъ въ вагонъ товарный. Я заглянула и туда. Мальчики съ ковригами, баба толстенная, явно обложенная подъ одеждой снѣдью, нѣсколько солдатъ, двѣ-три скамейки, холодъ, угольная пыль на полу... Маркель пытался бы-

ло примоститься въ уголокъ, но баба сердобольно отсовѣтовала.

— Не садитесь, баринъ, тамъ нагажено.

Все-таки, поѣздъ ихъ ушелъ. Мнѣ стало легче. Возвращаться домой поздно, далеко! И я отправилась къ Колгушину — тамъ ночевать.

Колгушинъ жилъ со старушкой матерью въ крошечномъ домикѣ — прежній сгорѣлъ еще въ войну — и рядомъ строилъ новый. Теперь постройка ужъ не двигалась. Но онъ водилъ меня межъ полувыведенныхъ стѣнъ кирпичныхъ, изъ угловъ крапива выбивалась. Такъ-же веселье, хохоталъ и потиралъ руки, бобрискъ свой поглаживалъ.

— Жаль папочку, да, жаль, да, но и меня чуть не ухлопали. Мужички подвели, сами-же и вытащили на возстаніе на это, но и я не дуракъ. Дѣхалъ съ ними до большой дороги, а потомъ вернулся. Вотъ тутъ и доказывай.

— Когда все кончится, то я дострою. Да. Вотъ тутъ столовая, тутъ кабинетъ мой, видите, на прудъ выходитъ, здѣсь мамашу мы устроимъ: Маленькая комнатка, ну, да старушкѣ многого не надо. Да, на новоселье, милости прошу.

Пока-же революція шла и его таскали по чекамъ, онъ развлекался тѣмъ, что воровалъ изъ собственнаго-же амбара, запечатаннаго, собственныя вещи. Лазилъ ночью чрезъ оконце слуховое, разбиралъ накатъ и на могучихъ плечахъ выволакивалъ шлеи, колеса, хомуты, мѣшки съ овсомъ и рожью.

Какъ у Петра Степаныча тогда, я чувствовала у него себя по-заговорщицки и, если-бъ нужно, я бы помогала въ воровствѣ. Мы провели вечеръ въ жаркой комнаткѣ съ гудѣвшими отъ тепла мухами, при крошечной копилкѣ-лампочкѣ. Пахло душнымъ, сладковатымъ и немножко копотью. Я отдыхала отъ волнений. Ёла коржики съ вареніемъ, говорили о Москвѣ, Парижѣ и Италіи, а на дворѣ гремѣлъ ноябрь.

Мы были безконечно далеко отъ прошлаго моего. Но въ томъ убожествѣ, гдѣ находились, грустно-умилительно мнѣ было вспоминать о молодости.

ДАЛЕКОЕ

II.

Льеть безъ конца. Въ лѣсу туманъ. Качаютъ елки головою:

«Ахъ, Боже мой!» — Лѣсъ точно пьянъ,

Пресыщенъ влагой дождевою.

Въ сторожкѣ темной у окна Сидитъ и ложкой бьетъ ребенокъ. Мать на печи, — все спитъ она, Въ сырыхъ снѣгахъ мычитъ теленокъ.

Въ сторожкѣ грусть, мушинный гудъ... — Затѣмъ въ лѣсу звенитъ овсянка, Грибы растутъ, цвѣты цвѣтутъ И травы ярки, какъ медянка.

— Затѣмъ подъ мѣрный шумъ дождя Томясь всѣмъ міромъ и сторожкой, Большеголовое дитя Долбитъ о подоконникъ ложкой.

Мычитъ теленокъ, какъ нѣмой, И клонятъ горестныя елки Свои зеленныя иголки: «Ахъ, Боже мой! — Ахъ, Боже мой!»

Ив. Тургеневъ

Море, степь и южный августъ, ослѣпительный и жаркій. Море плавится въ заливѣ драгоценной синевой. Внизъ бѣгу. Обрывъ за мною противъ солнца желтый, яркій, А побережје подо мною блещетъ высохшей травой.

Внизъ сбѣжавши, отдыхаю. И лежу, и слышу лежа Несказанное безмолвіе. Лишь кузнечики сипятъ Да печетъ нещадно солнце. И горитъ, чернѣетъ кожа, Соннымъ хмелемъ входитъ въ тѣло огневой полдневный ядъ.

Вспоминаю лѣтній полдень, небо свѣтлое... Въ просторѣ Свѣта, воздуха и зноя, стройно, молодо, легко Ты выходишь изъ кабинки. Подъ Тобою, въ сваяхъ, море, Подъ ногой горячій мостикъ... Этотъ полдень далеко.

Ты была моей невѣстой, Ты была моей женою... Ахъ, какъ помню алый чепчикъ на античной головѣ И нагія руки, плечи, съ ихъ янтарной желтизною И трико, что пламенѣло на лиловой синевѣ!

Вотъ опять я молодецъ, волень, — миновало наше лѣто... Мотыльки горячимъ роємъ осыпаютъ предо мной Пересохшіе бурьяны. И раскрыта и нагрѣта Опустѣвшая кабинка... Въ мірѣ радость, свѣтъ и зной.

ЧЕСТЬ

Разсказъ Пьера Гампа, перев. съ фр. В. Шлецера. Иллюстраціи худ. Д. М. Виннера.

Хорошій былъ рабочій — Жюль Всѣ привѣтливые, уютные, съ хоро- Гастенсъ. Онъ мастеръ былъ работать; шимъ пивомъ, съ можжевеловой вод- кой. А пока дойдешь до докторскаго дома, такихъ кабачковъ встрѣтишь, и позволялъ себѣ пить лишь тогда, по крайней мѣрѣ пятьдесятъ, когда считалъ себя въ своемъ правѣ: Развѣ можетъ быть заводская мѣст- когда оконченъ былъ недѣльный трудъ, ность безъ кабаковъ?

Гдѣ же и музыку слушаешь, какъ не въ кабакѣ! Всюду стояли аппараты, производившіе музыку механически кожи на кожевномъ заводѣ; ловко дѣйствуя особымъ ножомъ съ двумя ручками, онъ снималъ съ тяжелыхъ, набухшихъ отъ воды шкуръ куски мяса и шерсти, которые густо обсы- пали полъ кругомъ и привлекали тол- стыхъ синихъ мухъ.

Жюль Гастенсъ увѣренъ былъ, что можжевеловая водка помогаетъ отъ ревматизмовъ. Несмотря на то что онъ носилъ толстые сабо и плотный кожаный передникъ, онъ чувство- валъ себя промокшимъ насквозь среди сырыхъ, вонючихъ шкуръ. Онъ гово- рилъ:

«Нужно согрѣваться изнутри, а то вода проникаетъ въ тѣло; когда же она дойдетъ до костей, человекъ не можетъ двигаться».

Если бы Гастенсъ изучилъ медицину, онъ не остался бы работать на коже- венномъ заводѣ и не сталъ бы чистить шкуры.

Нельзя требовать многого отъ чело- вѣка, который всю жизнь свою скре- бетъ воловьи шкуры. Но Гастенсъ за- то хорошо зналъ эти шкуры, отъ мѣст-

ныхъ, зеленыхъ и просоленныхъ, во- нявшихъ крѣпко, но легко очищав- шихся, до тѣхъ, которыя привозили изъ далекихъ странъ, изъ Америки, изъ Китая: большія, высушенныя сол- нцемъ шкуры, твердыя какъ доски и съ которыхъ, промывъ кожу отвъ срѣ- заль куски мяса, которые могли бы насытить крупнаго пса.

Какой это былъ пиръ для мухъ!

Гастенсъ ихъ порою убивалъ, такъ какъ онъ лѣзали и на него; по злобѣ своей, говаривалъ онъ: если столь- ко валялось кругомъ гніющихъ об- рѣзковъ, чего онъ лѣзали къ бѣдному, погруженному въ свой трудъ рабоче- му.

Онъ давилъ ихъ, не глядя, и не прерывая почти своей работы, кото- рая вѣдь не ждала. Но однажды онъ заставили его потерять много времени. Онъ не замѣтилъ какъ одна изъ нихъ укусила его: появилась маленькая опухоль, на затылкѣ, какъ разъ тамъ, гдѣ кончались волосы, и жестокой зудъ довелъ его почти до бѣшенства. Онъ чесался торопливо и ругался.

На звуки его сердитаго голоса при- близился директоръ.

— «Ну что, спросилъ онъ, у васъ много возни съ этими китайскими шку- рами?» — «Да нѣтъ, не особенно, отвѣтилъ Гастенсъ, но зудитъ вотъ тутъ, на затылкѣ».

Директоръ нагнулъ его голову, по- вернулъ его затылокъ къ свѣту, чтобы лучше рассмотреть опухоль. Это былъ

Вар. Зинцевъ